

Е. В. Папилова

«Полурусский сосед»: образ Ленского как последователя немецкого романтизма

В статье образ Владимира Ленского в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» рассматривается с позиций его связи с немецкой романтической культурой. Пушкин обосновывает романтическую сущность героя: Ленский – выпускник Геттингенского университета, поэт, воодушевленный «поэтическим огнем» и «вольнолюбивыми мечтами», его образ связан с Шиллером (в том числе и чисто внешним сходством: «кудри черные до плеч»), ему свойственны романтически-восторженное стремление к возвышенному, максимализм в любви и дружбе, его судьба исполнена романтического трагизма. Образ Ленского рассматривается в литературном контексте с привлечением исторических материалов о жизни русского дворянства XIX века. Выясняется причина иронии Пушкина относительно Ленского (он «с душою прямо геттингенской» и «поклонник» Канта, иронично описание его судьбы, если бы он не был убит Онегиным). Автор заключает, что она связана с несоответствием немецких романтических идеалов реальной жизни. Делается вывод, что предпринятая героем попытка двойной идентичности (его принадлежности к двум национальным мирам – немецкому и русскому, в их проявлении романтизма и реализма) не выдержала проверки на прочность.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Евгений Онегин», Ленский, немецкий романтизм, этностереотип, двойная идентичность.

Для цитирования: Папилова Е. В. «Полурусский сосед»: образ Ленского как последователя немецкого романтизма // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 4. – С. 46–58. DOI: 10.35231/25419803_2024_4_46. EDN: NATYEX

В русской художественной культуре начала XIX века восприятие Германии и немцев имело две направленности. Первая, и она связана более всего с бытовыми контактами с немцами в повседневной жизни, характеризует Германию и немцев, как пишет С. С. Жданов, как носителей европейского духа буржуазности с присущими им техническими новшествами и изобретениями, в связи с чем представителей этой нации воспринимали как аккуратных, педантичных, расчетливых, прагматичных, способных к добросовестному, каче-

ственному труду [10]. Этот этностереотип был широко распространен в российском обществе, поскольку в ту пору большое количество чужестранцев-немцев разных специальностей проживало в России. В художественной прозе А. С. Пушкина он нашел отражение в таких персонажах, как инженер Германн («Пиковая дама»), немец-генерал Андрей Карлович Р. («Капитанская дочка»), немец-лекарь («Станционный смотритель»), директор пансиона Карл Иванович Мейер («История села Горюхина»), сапожник Готтлиб Шульц с приятелями-немцами портным и булочником («Гробовщик»).

Но наряду с этностереотипом немца как воплощения педантичности и прагматизма в российской культурной среде формировались представления о Германии как родине сентиментализма и романтизма, философии, духа свободы, возвышенных идеалов, что отметил Р. Ю. Данилевский [7]. Такие представления возникали лишь у образованной части общества, среди людей, знакомых с книжной культурой, зачастую посещавших Германию с целью обучения в немецких университетах или просто путешествия. Эти представления также отражались в литературном творчестве.

Существует обширная литература о взаимодействии представителей двух наций и восприятии русских немцами и наоборот: об этом писали А. И. Герцен [6], А. Ф. и К. А. Вильгельмы [4], С. В. Оболенская [21], Павловская [22] и др¹. Связи и взаимодействия русской и немецкой культур и литератур исследовались в классических трудах В. М. Жирмунского [11–12], В. И. Кулешова [16], Р. Ю. Данилевского [7–9] и др., но «многое еще осталось вне поля зрения исследователей, далеко не все факты использованы и осмыслены»².

Материалы и методы

В настоящей статье тип сентиментально-романтического персонажа, воспитанного немецкой культурой, рассматривается на примере анализа образа Владимира Ленского в романе

¹ См., например, серию книг Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН: Немцы и развитие образования в России. СПб.: БАН, 1998. 318 с.; Немцы в России: проблемы культурного взаимодействия. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 328 с.; Немцы в России: петербургские немцы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 624 с.; Немцы в России: немецкий мир Санкт-Петербурга. СПб.: Росток, 2015. 688 с. и др. (в серии вышло 12 книг).

² Ильченко Н. М. Русско-немецкие литературные связи в отечественной романтической прозе 30-х гг. XIX в.: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. С. 15.

А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Методика анализа национальных миров и образов иностранцев разработана в трудах Г. Д. Гачева [4], А. П. Забровского [13] и др. Учитывается практика сравнительного анализа инонациональных образов, примененная к другим авторам и персонажам¹.

В исследовании применяются сюжетный, композиционный, структурный, лингвистический методы и приемы анализа, исследуются суть конфликта, авторская позиция, художественные детали, произведение рассматривается в литературном контексте с привлечением литературоведческой критики и исторических материалов о жизни русского дворянства XIX века.

Результаты

Германию принято считать родиной романтизма. «Первоначально романтизм упрочился в Германии, получив глубокое теоретическое обоснование, – писал В. Е. Хализев, – и скоро распространился по европейскому континенту и за его пределами»². Русская литература XIX века, особенно его первой трети, развивалась под влиянием европейского романтизма и была, как отмечал В. В. Кожинов, «в известном смысле “ответом” на немецкую философскую культуру, являвшую тогда собой своего рода последнее слово мировой культуры в целом» [15, с. 160]. В. М. Жирмунский писал, что в начале XIX века французское влияние отступает на задний план, а «новый свет восходит из Германии, в поэзии Гете и романтиков, в философии Шеллинга и, впоследствии, Гегеля» [11, с. 197].

Передовые русские люди испытывали влияние йенского (позже – гейдельбергского) романтизма, осваивали эстетику, осмыслили путь развития России, во многом исходя из историсофских концепций немецкой классической философии.

¹ См., напр.: Арустамов А. А. «Немецкое» и «русское» в творчестве И. С. Тургенева (к проблеме диалога культур) // Мир славянских, германских и романских культур: их взаимосвязи и взаимодействие в языке и литературе. Пермь: Пермский университет, 2000. С. 205–210; Буткова Н. В. Образ Германии и образы немцев в творчестве И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 18 с.; Жердева О. Н. Образы немецкого мира в творчестве А. А. Фета: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 22 с.; Гилолашвили М. Герой-иностранец в творчестве Пушкина // Филологический вестник Ростовского университета. 2001. № 3. С. 5–15; Данненманн У. Изображение немцев в творчестве Чехова: деконструкция стереотипов // Чехов и Германия. М.: МГУ, 1996. С. 11–18; Жданов С. С. Немецкость как воплощение порядка в русской литературе: от Н. В. Гоголя до С. Черного // Вестник Сибирского государственного университета геосистем и технологий. 2015. Вып. 2 (30). С. 151–163; Жуковская А. В., Мазур Н. Н., Песков А. М. Немецкие типажы русской беллетристики (конец 1820-х – начало 1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 37–54 и др.

² Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. С. 399.

Так, Н. М. Карамзин, отправляясь в 1789 г. на Запад, уже был знаком с творчеством Гете, Шиллера, Канта, Виланда, Гердера. Последних трех он счел необходимым посетить, был и у дома Гете, наблюдал того в окне его дома, сказав: «Важное греческое лицо!» [18, с. 70]. Книжные представления о немцах, подкрепленные личными впечатлениями от путешествия, отразились в творчестве Карамзина. Помимо него, проводниками немецкого романтизма в России были В. А. Жуковский, Д. В. Веневитинов, Вл. Ф. Одоевский, кружок Н. В. Станкевича и В. Г. Белинский, ранние И. С. Тургенев и Ф. И. Тютчев. В 1801–1802 гг. в среде московских студентов образовалось «Дружественное литературное общество», в которое вошел, например, молодой Жуковский, увлекавшийся Шиллером и переведивший его баллады; в Москве их называли «наши немцы».

Сентиментально-романтическому этнотипу немца в русском культурном сознании было свойственно идеализированное отношение к немцам. На этой основе формировался особый тип романтического героя, для которого характерно противостояние обществу, государству, быту, в результате чего, как правило, он погибает, оставаясь верным своим убеждениям. Внешний мир способен погубить романтического героя, но не властен над его душой. Он пребывает в конфликте с действительностью, т. к. его душа устремлена к идеальному, очень отличному от действительного, миру. Окружающим он кажется странным: ему присущи нестандартное поведение, одухотворенная красота и творческая одаренность, мир он воспринимает несколько иначе, чем обычные люди. В создании его образа особую роль играет пейзаж: природа кажется романтику стихией вольной и неподвластной людям.

Ярким романтическим персонажем Пушкина, связанным с немецкой культурой, стал Владимир Ленский в романе «Евгений Онегин» (1823–1831). Называя героя «полурусским соседом» (в тексте романа эти слова выделены курсивом, что указывает на то, что так Ленского называют его соседи, а не автор, – отметил Ю. М. Лотман [17, с. 191]), деревенское окружение Ленского подчеркивает его непохожесть на «своего», его принадлежность двум культурам – русской и немецкой. Ленский – «поклонник Канта и поэт», который «из Германии туманной / Привез учености плоды» [23, с. 35].

Эпитет «туманная» в устах Пушкина синонимичен эпитету «романтическая», он выражает особенности духовной атмосферы Германии – такой, какой она виделась поэту. Словарь языка Пушкина поясняет, что поэт видел Германию как «центр идеалистических философских течений и романтических направлений в литературе» [24, с. 599]. А. М. Гуревич писал, что романтизм был синонимом свободы для Пушкина [6, с. 96], а свобода – необходимое условие творчества романтиков. Таким образом, в Германии объединились художественный романтизм и творческая свобода.

Ленский – выпускник Геттингенского университета. Ю. М. Лотман отмечал, что этот университет занимал особое место среди европейских учебных заведений: там собрались свободолюбивые профессора со всей Германии [19, с. 323–324]. В самом либеральном университете немецкой земли учились многие русские, впоследствии оставившие заметный след в русской культуре. Среди них – историк и публицист А. И. Тургенев, его брат декабрист Н. И. Тургенев, публицист и поэт А. С. Кайсаров, близкий приятель Пушкина П. П. Каверин, лицейские профессора А. П. Куницын и А. И. Галич и др. (см. об этом: [1; 7; 14; 25]). И хотя геттингенский либерализм и немецкий романтизм не следует сводить к одному, их близость основывается на общем требовании наличия свободы как необходимого условия созидания для человека.

Свободолюбие Ленского сказывается в «учености плодах», привезенных им из Германии:

Вольнолюбивые мечты,
 Дух пылкий и довольно странный,
 Всегда восторженная речь
 И кудри черные до плеч.
 <...>
 Он с лирой странствовал на свете;
 Под небом Шиллера и Гете
 Их поэтическим огнем
 Душа воспламенялась в нем [23, с. 35–36]¹.

¹ Курсив в цитатах здесь и далее наш. – Е. П.

Остановимся на нескольких существенных моментах, заложенных автором в этих строках. Начнем с того, что Шиллер и Гете воспринимались Пушкиным, по словам Ю. М. Лотмана, как «апостолы романтизма» [17, с. 188]. Причем именно влияние Шиллера, по-видимому, было определяющим, что очевидно из следующих доводов. Во-первых, внешность Ленского: «кудри черные до плеч». Шиллера всегда изображали с вьющимися до плеч волосами, и быть похожим на него, по-видимому, являлось потребностью романтика Ленского. Во-вторых, так же, как великий немецкий классик, Ленский – поэт. Он пишет мадригал у могилы Дмитрия Ларина, элегии в альбом ветреной Ольги, перед дуэлью посвящает возлюбленной свои последние любовные стихи. В описании поэзии Ленского Пушкин применяет устойчивые романтические фразеологизмы: «чистая любовь», «сладкое мученье», «поэтический огонь», «возвышенные музы», «возвышенные чувства», «с лирой странствовал на свете» и др. Из всего этого следует вывод, что Ленский – романтический поэт возвышенной любви. Кроме того, ему свойственна «всегда восторженная речь», энтузиазм, экзальтация, склонность к патетике, столь характерные именно поэту-романтику, что вновь объединяет его с Шиллером. Наконец, накануне дуэли, в этот критический для себя момент Ленский «при свечке, Шиллера открыл» – деталь, явно не случайно введенная автором. И далее – «На модном слове *идеал* / Тихонько Ленский задремал». Выбор автором этого слова также не случаен: в эпоху романтизма оно имело специфический оттенок, связанный с противопоставлением низменно земного и возвышенно прекрасного, мечтательного [17, с. 301]. Кроме того, это слово отсылает нас к философской элегии Шиллера «Идеалы» («Die Ideale», 1795). По мнению Р. Ю. Данилевского, это произведение немецкого классика – «один из источников, питавших элегию Ленского» [8, с. 108]. Таким образом, и Ленского, и его кумира Шиллера отличало романтически-восторженное стремление к возвышенному, готовность служить идеалам свободы или погибнуть ради их торжества, оба они разделяли романтический культ идеала выдающихся личностей, избранных, высших натур. Романтичным максимализмом наполнены представления Ленского о дружбе. Он уверен, что друзья готовы жертвовать друг для друга всем на свете:

Он верил, что друзья готовы
 За честь его приять оковы
 И что не дрогнет их рука
 Разбить сосуд клеветника [23, с. 35–36].

Чувство Ленского к Ольге описано как настоящее, искреннее, глубокое:

Ах, он любил, как в наши лета
 Уже не любят; как одна
 Безумная душа поэта
 Еще любить осуждена [23, с. 41].

Сама судьба Ленского романтически трагична. Любовь к Ольге – главное, что наполняло его жизнь – погубит его, причем дважды: сначала – когда он станет свидетелем заигрывания с ней Онегина и ее краткого увлечения им, потом – когда конфликт достигнет трагической развязки на дуэли. Дуэли – этого «жертвоприношения ради чести» [19, с. 174] – легко можно было избежать. Во-первых, Пушкин подчеркивает, что никакой вражды у Онегина к Ленскому (равно как и наоборот) не было: он волочился за Ольгой, «втайне усмехаясь» [23, с. 107]. Далее, Онегин опоздал на дуэль («Еще над ним летает сон. / Вот наконец проснулся он / И полы завеса раздвинул; / Глядит – и видит, что пора / Давно уж ехать со двора» [23, с. 118]), что само по себе могло быть достаточной причиной для ее отмены (по правилам дуэлянт мог уехать с места дуэли после 15 минут ожидания соперника [17, с. 98–99, 302]). Наконец, Онегин явился на дуэль со слугой, *monsieur Guillot*, а не с равным себе по социальному статусу секундантом (нарушение этого правила воспринималось как нарушение дворянского кодекса чести [17, с. 98–99, 304]). Несмотря на множество обстоятельств, каждое из которых могло служить препятствием к дуэли, она все же состоялась, и в этом – романтический трагизм Ленского.

Ю. М. Лотман называет Онегина антиподом Ленского [17, с. 181]. Эти два персонажа мыслились Пушкиным как антитеза наивного, сохраняющего обаяние чистоты энтузиаста (Ленского) и отмеченного печатью зрелого ума, но затронутого

разъедающим скепсисом (Онегина). Даже внешность героев противоположна: черным кудрям романтика Ленского противопоставлена короткая стрижка денди Онегина. Романтизм Ленского противостоит циничному реализму, приземленной прозаичности Онегина. Об этом говорил и В. Г. Белинский, называя Онегина «характером действительным» (в нем не было ничего «мечтательного, фантастического»), а Ленского – его противоположностью, характером «совершенно отвлеченным», «чуждым действительности» [2, с. 584].

Внимательный читатель не может, однако, не заметить иронии, с какой автор создает образ поэта. Например, в его характеристике «с душою *прямо* геттингенской». Почему Пушкин использовал слово «прямо», имеющее в тексте функцию усилительной частицы и помеченное в Большом академическом словаре как разговорное? Это слово было найдено поэтом не с первой попытки: в черновиках значится другой вариант – «душой филистер геттингенский» [26, с. 213]. Такое русское просторечие в сочетании с утонченностью «геттингенской души» придает образу Ленского комический оттенок, на что не раз обращали внимание исследователи (см., например: [20, с. 74]). Опять же иронично звучит следующее определение Ленского: «поклонник Канта». Слово «поклонник» предполагает некоторую поверхность его знакомства с учением немецкого философа, иначе его можно было бы заменить «приверженцем», «последователем» или «знатоком». А вот как описан предмет размышлений Ленского:

Цель жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой,
Над ней он голову ломал
И чудеса подозревал [23, с. 35].

Такое описание предмета философствований юного поэта явно исполнено иронии. Почему же автор, создавая образ героя-романтика, одновременно иронизирует над ним? По-видимому, для того чтобы показать хрупкость его идеалов. При столкновении с реальным миром романтические идеалы Ленского разбиваются о прозу жизни. Оказывается, что его романтизм – суть витание в облаках, отсутствие реальной

почвы под ногами, и потому он сражен скептиком и циником Онегиным, к тому же – и в этом заключается особая ирония – по вздорному поводу сиюминутной ревности, на бессмысленной дуэли, которой легко можно было избежать.

Ирония явна и в том, какую «судьбу» готовил Ленскому автор, если бы тот не был сражен пулей Онегина:

Во многом он бы изменился,
 Расстался б с музами, женился;
 В деревне, счастлив и рогат.
 Носил бы стеганый халат;
 Узнал бы жизнь на самом деле,
 Подагру б в сорок лет имел.
 Пил, ел, скучал, толстел, хирел
 И, наконец, в своей постеле
 Скончался б посреди детей.
 Плаксивых баб и лекарей [23, с. 124].

Ленский («он сердцем милый был невежда») был оторван от действительности, не зная жизни, жил одними фантазиями. В. Г. Белинский иронизирует над героем, говоря, что в нем было много хорошего, но лучше всего то, что «он был молод и вовремя для своей репутации умер» [2, с. 585]. Критик был убежден, что судьба героя могла сложиться двумя способами, одинаково непривлекательными: он стал бы либо филистером, либо устарелым мистиком и мечтателем.

Обсуждение и выводы

Попытка двойной идентичности (принадлежности героя к двум национальным мирам – русскому и немецкому, в их проявлении реализма и романтизма) не выдержала проверки на прочность. Ленский не смог, подобно апостолу Павлу, быть с эллинами как эллин, а с иудеями как иудей (1 Кор: 9: 20–20), не смог гармонично интегрировать в себе два мира, застрял между ними, оказался не способен выстроить отношения с соседом так, чтобы не обречь себя на смертельную опасность. В отличие от него, Онегин, несмотря на весь его цинизм и сильное эмоциональное выгорание, чувствует себя органично и не испытывает проблем в обществе. Ленский

нежизнеспособен, и ирония Пушкина, по-видимому, связана с желанием автора показать несоответствие его романтических идеалов прозе жизни.

Не исключаем также, что Пушкину претило эпигонство и искусственность подражателей немецкому романтизму, которые приняли его частично, но не стали абсолютными носителями его основных постулатов.

Список литературы

1. Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. – М.: Знак, 2005. – 432 с.
2. Белинский В. Г. Сочинения в одном томе. – М.: Молодая гвардия, 1950. – 799 с.
3. Вильгельм А. Ф., Вильгельм К. А. Немцы в истории России: Люди и события. В 2-х т. – М.: Общественная академия наук российских немцев, 2003. – 874 с.
4. Гачев Г. Д. Германский мир и ум глазами русского (По рассказу Николая Лескова «Железная воля») // Вопросы литературы. – 1997. – № 6. – С. 66–85.
5. Герцен А. И. Русские немцы и немецкие русские // Герцен А. И. Соч.: В 9 т. – М.: Гослитиздат, 1955–1958. – Т. 7. – С. 263–308.
6. Гуревич А. М. Сюжет «Евгения Онегина». – М.: МГУ, 2001. – 111 с.
7. Данилевский Р. Ю. Пушкинский образ Германии «туманной» и «свободной» // Немцы в России: Проблемы культурного взаимодействия. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – С. 117–122.
8. Данилевский Р. Ю. Пушкин и Шиллер // А. С. Пушкин и мировая культура. Мат-лы междунар. конф. – СПб., Арзамас, Б. Болдино, 2008. – С. 104–116.
9. Данилевский Р. Ю. «Молодая Германия» и русская литература (Из истории русско-немецких литературных отношений первой половины XIX в.). – Л.: Наука, 1969. – 167 с.
10. Жданов С. С. Немецкость как воплощение порядка в русской литературе: от Н. В. Гоголя до С. Черного // Вестник Вестник Сибирского государственного университета геосистем и технологий. – 2015. – Вып. 2 (30). – С. 151–163.
11. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. – СПб., 1914. – 206 с.
12. Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе. – Л.: Наука, 1981. – 558 с.
13. Забровский А. П. К проблеме типологии образа иностранца в русской литературе // Россия и Запад: диалог культур. – М.: МГУ, 1994. – Вып. 1. – С. 87–105.
14. Кантор В. Иван Тургенев: Россия сквозь «магический кристалл» Германии // Вопросы литературы. – 1996. – № 1. – С. 121–158.
15. Кожин В. В. Размышления о русской литературе. – М.: Современник, 1991. – 524 с.
16. Кулешов В. И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). – М.: МГУ, 1976. – 350 с.
17. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. – Л.: Просвещение, 1980. – 416 с.
18. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. – М.: Книга, 1987. – 336 с.
19. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство-СПБ, 2002. – 416 с.
20. Мурьянов М. Ф. Пушкин и Германия. – М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 1999. – 443 с.
21. Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). – М.: ИВИ РАН, 2000. – 210 с.
22. Павловская А. В. Этнические стереотипы и проблема общения культур // Россия и Запад: диалог культур. – М.: МГУ, 1996. – С. 428–441.
23. Пушкин А. С. Евгений Онегин. – М.: Дрофа, 2006. – 158 с.

24. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1961. – Т. 4. – 1045 с.

25. Тарасов Е. И. Русские «геттингенцы» первой четверти XIX в. и влияние их на развитие либерализма в России // Голос минувшего. – 1914. – № 7. – С. 195–209.

26. Телетова Н. К. “Душой филистер геттингенский” // Пушкин. Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. – Т. XIV. – С. 205–214.

Elena Papilova

“Half-Russian Neighbor”: The Image of Lensky as a Follower of German Romanticism

In this article the image of Vladimir Lensky (*Eugen Onegin* by A. Pushkin) is studied from the point of view of his connection with the German romantic culture. Noticing that Germany was the homeland of romanticism, the author of the article justifies the romantic nature of the character: Lensky is the alumnus of Gottingen university, the poet, inspired by the “lyric fire” and “freedom-loving, noble heart”, his image is strongly connected with Schiller (including his appearance: “raven locks of shoulder reach”), the characteristics of him are the romantically enthusiastic pursuit of sublime, maximalism in love and friendship, finally, his destiny which is full of romantic tragedy. The author also discusses about the reasons of Pushkin’s irony of Lensky (he is “returning from Gottingen with soulful earning” and “poet filled with Kantian truth”, his destiny in case he hadn’t been killed by Onegin is full of author’s irony) and comes to the conclusion that this irony is caused by discrepancy between the romantic ideals and real life. The attempt of the character to be of double identity (i. e. to belong to two national worlds – the German and the Russian, in their manifestation of romanticism and realism) didn’t succeed.

Key words: A. Pushkin, *Eugen Onegin*, Lensky, German romanticism, ethno stereotype, double identity.

For citation: Papilova, E. V. (2024) «Polurusskij sosled»: obraz Lenskogo kak posledovatelja nemeckogo romantizma [“Half-Russian Neighbor”: The Image of Lensky as a Follower of German Romanticism]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 46–58. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_4_46. EDN: HATYEX

References

1. Andreev, A. YU. (2005) *Russkie studenty v nemeckih universitetah XVIII – pervoj poloviny XIX veka* [Russian students in German universities of the 18th – first half of the 19th century]. Moscow: Znak Publ. (In Russian).
2. Belinskij, V. G. (1950) *Sochineniya v odnom tome* [Works in one volume]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russian).
3. Vil’gel’m, A. F., Vil’gel’m, K. A. (2003) *Nemcy v istorii Rossii: Lyudi i sobytiya* [Germans in Russian History: People and Events]. In 2 vols. Moscow: Obshchestvennaya akademiya nauk rossijskikh nemcev Publ. (In Russian).
4. Gachev, G. D. (1997) *Germanskij mir i um glazami russkogo* (Po rasskazu Nikolaya Leskova «ZHeleznaya volya») [The German World and the Mind through the Eyes of a Russian (Based on the Story of Nikolai Leskov “Iron Will”)]. *Voprosy literatury – Questions of Literature*. No. 6. Pp. 66–85. (In Russian).
5. Gercen, A. I. (1955–1958) *Russkie nemcy i nemeckie russkie* [Russian Germans and German Russians]. Gercen A. I. *Soch.*: V 9 vols. Vol. 7. Moscow: Goslitizdat. Pp. 263–308. (In Russian).
6. Gurevich, A. M. (2001) *Syuzhet «Evgeniya Onegina»* [The plot of “Eugene Onegin”]. Moscow: MGU Publ. (In Russian).

7. Danilevskij, R. YU. (1998) Pushkinskij obraz Germanii «tumannoj» i «svobodnoj» [Pushkin's image of Germany "foggy" and "free"]. *Nemcy v Rossii: Problemy kul'turnogo vzaimodejstviya* [Germans in Russia: Problems of cultural interaction]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin Publ. Pp. 117–122. (In Russian).
8. Danilevskij, R. YU. (2008) Pushkin i SHiller [Pushkin and Schiller] A. S. *Pushkin i mirovaya kul'tura* [A. S. Pushkin and world culture]. Proceedings of the international conference. St. Petersburg, Arzamas, B. Boldino. Pp. 104–116. (In Russian).
9. Danilevskij, R. YU. (1969) "Molodaya Germaniya" i russkaya literatura (Iz istorii russo-nemeckih literaturnyh otnoshenij pervoj poloviny XIX v.) ["Young Germany" and Russian literature (From the history of Russian-German literary relations in the first half of the 19th century)]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
10. Zhdanov, S. S. (2015) Nemeckost' kak voploshchenie poryadka v russkoj literature: ot N. V. Gogolya do S. CHernogo [Germanness as the Embodiment of Order in Russian Literature: from N. V. Gogol to S. Cherny]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta geosistem i tekhnologii – Bulletin of the Siberian State University of Geosystems and Technologies*. Issue 2 (30). Pp. 151–163. (In Russian).
11. ZHirmunskij, V. M. (1914) Nemeckij romantizm i sovremennaya mistika [German Romanticism and Modern Mysticism]. St. Petersburg. (In Russian).
12. ZHirmunskij, V. M. (1981) Gyote v russkoj literature [Goethe in Russian Literature]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
13. Zabrovskij, A. P. (1994) K probleme tipologii obraza inostranca v russkoj literature [On the problem of the typology of the image of a foreigner in Russian literature]. *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur* [Russia and the West: Dialogue of Cultures]. Issue 1. Moscow: MGU Publ. Pp. 87–105. (In Russian).
14. Kantor, V. (1996) Ivan Turgenev: Rossiya skvoz' «magicheskij kristall» Germanii [Ivan Turgenev: Russia through the "magic crystal" of Germany]. *Voprosy literatury – Questions of Literature*. No. 1. Pp. 121–158. (In Russian).
15. Kozhinov, V. V. (1991) *Razmyshleniya o russkoj literature* [Reflections on Russian literature]. Moscow: Sovremennik Publ. (In Russian).
16. Kuleshov, V. I. (1976) *Literaturnye svyazi Rossii i Zapadnoj Evropy v XIX veke (pervaya polovina)* [Literary Ties between Russia and Western Europe in the 19th Century (First Half)]. Moscow: MGU Publ. (In Russian).
17. Lotman, YU. M. (1980) *Roman A. S. Pushkina «Evgenij Onegin»*. *Kommentarij* [A. S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin". Commentary]. Leningrad: Prosheshchenie Publ. (In Russian).
18. Lotman, YU. M. (1987) *Sotvorenie Karamzina* [The Creation of Karamzin]. Moscow: Kniga Publ. (In Russian).
19. Lotman, YU. M. (2002) *Besedy o russkoj kul'ture. Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian Culture. Everyday life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th centuries)]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ. (In Russian).
20. Mur'yanov, M. F. (1999) *Pushkin i Germaniya* [Pushkin and Germany]. Moscow: IMLI RAS; Nasledie Publ. (In Russian).
21. Obolenskaya, S. V. (2000) *Germaniya i nemcy glazami russkikh (XIX v.)* [Germany and the Germans through the eyes of Russians (19th century)]. Moscow: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).
22. Pavlovskaya, A. V. (1996) *Etnicheskie stereotipy i problema obshcheniya kul'tur* [Ethnic stereotypes and the problem of communication between cultures]. *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur* [Russia and the West: dialogue of cultures]. Moscow: MGU Publ. Pp. 428–441. (In Russian).
23. Pushkin, A. S. (2006) *Evgenij Onegin* [Eugene Onegin]. Moscow: Drofa Publ. (In Russian).
24. Vinogradov, V. V. (1961) (ed.) *Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t.* [Dictionary of the Pushkin language: in 4 vols.]. Vol. 4. Moscow: Gos. izd. inostr. i nac. slovarej. (In Russian).
25. Tarasov, E. I. (1914) *Russkie «gettingency» pervoj chetverti XIX v. i vliyanie ih na razvitiye liberalizma v Rossii* [Russian "Göttingenites" of the First Quarter of the 19th Century

and Their Influence on the Development of Liberalism in Russia]. *Golos minuvshego – Voice of the Past*. No. 7. Pp. 195–209. (In Russian).

26. Teletova, N. K. (1991) «Dushoj filister gettingenskij» ["A Göttingen Philistine at Heart"] *Pushkin. Issledovaniya i materialy* [Pushkin. Research and Materials]. USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Literature (Pushkin House). Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie Publ. Vol. XIV. Pp. 205–214. (In Russian).

Об авторе

Папилова Елена Вячеславовна, доцент Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина кандидат филологических наук (Москва, Российская Федерация); e-mail: llennochka@mail.ru; ORCID 0000–0001–6831–3976

About the Author

Elena Papilova, Associate Professor, National University of Oil and Gas "Gubkin University", PhD in Philology (Moscow, Russian Federation); e-mail: llennochka@mail.ru; ORCID ID: 0000–0001–6831–3976

дата получения: 14.07.2024 г.

дата принятия: 30.09.2024 г.

дата публикации: 28.12.2024 г.

date of receiving: 14 July 2024

date of acceptance: 30 September 2024

date of publication: 28 December 2024